

И. Замотин

**Записки историко-
филологического факультета
Императорского С.-
Петербургского университета**

**Ч. 87. Романтический идеализм
в русском обществе и
литературе 20-30-х годов XIX
столетия.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

- И11 **И. Замотин**
Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета: Ч. 87. Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20-30-х годов XIX столетия. / И. Замотин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 441 с.

ISBN 978-5-4241-3766-2

ISBN 978-5-4241-3766-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	III—VI.
Г л а в а п е р в а я. Романтическій идеализмъ въ западно-европейской литературѣ в. XVIII и н. XIX стол. Основные мотивы романтическаго идеализма: индивидуумъ, нація и универсумъ въ идеалистическомъ міровоззрѣніи романтиковъ. .	1—75
Г л а в а в т о р а я. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX стол. Источники романтическаго идеализма и его общій характеръ въ русской общественной и литературной жизни нач. XIX стол.; отраженіе его основныхъ мотивовъ: романтическій индивидуализмъ, націонализмъ и универсализмъ на русской почвѣ	76—161
Г л а в а т р е т ь я. Романтическій индивидуализмъ въ русской литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX стол. А. А. Бестужевъ-Марлинскій: «Русскія повѣсти и рассказы». Культъ личнаго «я»; идеализація сильной личности: «высшая натура», ея основныя свойства и культурныя задачи. Литературные мотивы и приемы въ духѣ Байрона и Гюго въ произведеніяхъ А. А. Бестужева	162—268
Г л а в а ч е т в е р т а я. Романтическій націонализмъ въ русской литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX стол. М. Н. Загоскинъ: «Юрій Милославскій». Культъ національнаго «я»; поэтическое воспроизведеніе народнаго быта и народнаго духа. Литературная манера Вальтера Скотта въ романѣ Загоскина	269—360

Глава пятая. Романтическій универсализмъ въ русской ли- тературѣ 20—30-хъ годовъ XIX стол. Кн. В. Θ. Одоевскій: юношескія произведенія и «Русскія ночи». Бульть уни- версальной гармоніи жизни. Возможность человѣческаго счастья: quantum poezii въ жизни и условія его осуще- ствленія. Идеализмъ Шеллинга въ творчествѣ кн. В. Θ. Одоевскаго		361—418
Заключеніе		419—422
Указатель		423—430
<i>Примѣчаніе.</i> Конспективное изложеніе отдѣльных главъ по частямъ см. на стран. 1, 14, 35, 48, 76, 112, 162, 196, 232, 269, 298, 323, 361, 375, 397.		

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда, четыре года тому назадъ, я напечаталъ первую часть своихъ наблюденій надъ романтизмомъ въ русской литературѣ начала XIX столѣтія, въ двухъ критическихъ разборахъ былъ произнесенъ надъ моей книгой суровый приговоръ, какъ надъ «неудачной попыткой» «искусственного» изученія вопроса и даже какъ надъ такой монографіей, значеніе которой «почти аннулируется» благодаря цѣлому ряду ея недостатковъ¹⁾. Я тщательно вчитался въ обѣ весьма детальныя рецензіи гг. критиковъ, почтившихъ своимъ вниманіемъ мою книгу, и въ не менѣе детальныя собственныя ихъ «очерки» и «разысканія», посвященные интересующей меня эпохѣ въ исторіи русской литературы. Но ни собственныя труды гг. критиковъ, ни ихъ рецензіи, указавшія на недостатки моей книги съ точки зрѣнія гг. рецензентовъ, не помогли мнѣ уяснить главнаго вопроса (который и ихъ, и меня интересуетъ), именно отраженія западно-европейскаго романтизма на русскою общественной и литературной почвѣ начала XIX столѣтія, и я пошелъ въ сво-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1904, авг., стр. 475—487: Н. Коэминъ, И. И. Замотинъ, Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. I. Варшава, 1903; Извѣстія отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Н., 1904, тома IX-го книжка 2-я, стр. 358—372: В. И. Рѣзановъ, Замѣчанія на книгу И. И. Замотина „Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. въ русской литературѣ“. Варшава, 1903 г.

ихъ дальнѣйшихъ наблюденіяхъ своимъ путемъ. Впрочемъ, другіе отзывы о моей книгѣ, какъ въ русской, такъ и въ иностранной печати ¹⁾, признали за ней извѣстный интересъ какъ по матеріалу, на которомъ она построена, такъ и по его систематизаціи и освѣщенію; но въ нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказано было желаніе, чтобы авторъ книги далъ болѣе ясный и законченный отвѣтъ по вопросу объ опредѣленіи романтизма и чтобы самый романтизмъ представленъ былъ имъ не теоретически только, но и конкретно. Это желаніе было всегда и моимъ, и, разбираясь въ литературной теоріи романтизма, я смотрѣлъ на нее, лишь какъ на преддверіе къ рѣшенію главнаго вопроса о сущности романтическаго міросозерцанія, къ которому литературная теорія романтизма относится, какъ часть къ цѣлому.

Въ настоящей, второй, части своихъ наблюденій надъ интересующей меня эпохой исторіи русской литературы я и дѣлаю попытку отвѣтить на вопросъ о сущности западно-европейскаго романтизма и объ отраженіи его основныхъ мотивовъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX столѣтія. Пересмотръ мнѣній западно-европейскихъ изслѣдователей романтизма привелъ меня къ установленію основныхъ мотивовъ въ идеалистическомъ міровоззрѣніи романтиковъ ²⁾, а изученіе русскихъ журналовъ, отдѣльныхъ

¹⁾ Ср. напр. Истор. Вѣстн. 1904, авг., стр. 640—2: Я. Ав—въ, И. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ...; Вѣстн. и библиограф. 1904, № 10: С. Адриановъ, Что такое романтизмъ? (По поводу двухъ диссертаций); Archiv für slavische Philologie, 1906, 28-er Band, 2—3-es Heft, s. 409—416: Dr. D. Prohaska, Zämotin, Romantik in der russ. Literatur; Listy Filologické, 1905, Ročník třicátý druhý, sešit III a IV, 312—314: J. Máchal, И. И. Замотинъ, Романтизмъ двадцатыхъ годовъ...

²⁾ Къ этому пересмотру мнѣ не удалось, къ сожалѣнію, привлечь нѣкоторыя новыя сочиненія по романтизму (напр. Ricarda Huch,

литературныхъ произведеній и нѣкоторыхъ рукописныхъ матеріаловъ, относящихся къ данной эпохѣ, позволило мнѣ установить нѣкоторые факты отраженія и у насъ основныхъ мотивовъ романтики въ соотвѣтствующей русской варіаціи. Наблюдая надъ данной эпохой, я, между прочимъ, невольно обратилъ вниманіе на нѣкоторыхъ русскихъ писателей 20—30-хъ годовъ XIX стол., которые, вообще близко соприкасаясь съ поэзіей романтизма, въ частности особенно замѣтно откликнулись на отдѣльные его мотивы. Писатели эти—А. А. Бестужевъ (Марлинскій), М. Н. Загоскинъ, кн. В. Ө. Одоевскій. По самому характеру своей задачи и по объему своей книги я не могъ дать полнаго обзора ихъ жизни и дѣятельности ¹⁾, но думаю, что посвященные имъ очерки всетаки разъяснятъ до извѣстной степени характеръ ихъ творчества и ихъ отношенія къ эпохѣ. На-

Blüthezeit der Romantik, 1901, Marie Joachimi, Die Weltanschauung der Romantik, 1905, Lasserre Pierre, Le Romantisme français, 1907); думаю однако, что они не внесли бы серьезныхъ измѣненій въ принятую мною схему романтическаго идеализма, которая подтверждается не только прежними изслѣдователями романтизма, но и новѣйшими, какъ напр. H. Gschwind'омъ (Die ethische Neuerungen der Früh-Romantik, 1903), Oscar Ewald'омъ (Die Probleme der Romantik als Grundfragen der Gegenwart, 1905), E. Spenlé (Novalis, Essai sur l'idealisme romantique en Allemagne, 1904), René Canat (Du sentiment de la solitude morale chez les romantiques et les parnassiens, 1904) и другими.

¹⁾ Когда моя книга готовилась къ печати, вышло въ свѣтъ интересное сочиненіе Н. Котляревскаго „Декабристы“ (Спб. 1907), гдѣ сдѣланъ обстоятельный обзоръ жизни и литературной дѣятельности А. А. Бестужева, но вопросъ о романтизмѣ этого писателя затронутъ лишь въ общихъ чертахъ нѣсколько раньше въ „Запискахъ Имп. Харьк. Университета“ за 1905—6 г. напечатаны были „Очерки изъ жизни и литературной дѣятельности кн. В. Ө. Одоевскаго“ студ. Лезина, которые благодаря обилію свѣжаго матеріала невольно создаютъ интересъ къ личности Одоевскаго, но въ то же время не даютъ достаточно яснаго освѣщенія ни для одного изъ періодовъ его жизни и дѣятельности; о М. Н. Загоскинѣ большихъ работъ, если не считать нѣкоторыхъ біографическихъ очерковъ, не появлялось.

блюденія мои, конечно, ни въ коемъ случаѣ не исчерпываютъ вопроса о русскомъ романтизмѣ начала XIX столѣтія, но они имѣютъ цѣлью опредѣлить его въ моментъ 20—30-хъ годовъ, на которые падаетъ въ нашей общественной и литературной жизни особенное увлеченіе романтическимъ идеализмомъ.

Появленіемъ своимъ въ свѣтъ настоящіе очерки обязаны, главнымъ образомъ, поддержкѣ со стороны Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, который, удостоивъ меня принятія въ свою среду въ качествѣ приватъ-доцента, разрѣшилъ мнѣ напечатать мою работу въ своихъ «Запискахъ». Выражая глубокую признательность членамъ Факультета и за честь, и за матеріальную поддержку, мнѣ оказанную, я съ чувствомъ искренней благодарности долженъ вспомнить здѣсь и тѣхъ лицъ, которые при моихъ занятіяхъ всегда оказывали мнѣ радушную и скорую помощь: ак. А. А. Шахматову, В. В. Майкову и И. М. Болдакову я обязанъ содѣйствіемъ при занятіяхъ въ Библіотекѣ Импер. Ак. Наукъ и въ Императорской Публичной Библіотекѣ, С. И. Вѣхову—при пользованіи журналами въ Библіотекѣ Императ. Варшавскаго Университета; В. И. Саитову—многими библіографическими справками о писателяхъ 20—30-хъ годовъ XIX стол., И. А. Кубасову—подробнымъ знакомствомъ съ библіографіей сочиненій кн. В. О. Одоевскаго и съ нѣкоторыми матеріалами для его біографіи; В. А. Францеву и А. І. Малеину—многообразными и частыми указаніями въ области интересующаго меня вопроса.

Спб.

15 октября 1907 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Романтическій идеализмъ въ западно-европейской литературѣ к. XVIII и н. XIX стол. Основные мотивы романтическаго идеализма: индивидуумъ, нація и универсумъ въ идеалистическомъ міровоззрѣніи романтиковъ.

1. Сложный характеръ западно-европейскаго романтизма к. XVIII и н. XIX стол., какъ явленія духовной культуры. Разнообразіе его опредѣленій; различіе между опредѣленіями ему современными и позднѣйшими. Границы этого духовнаго момента въ исторіи Европы. Нѣмецкій романтизмъ к. XVIII и н. XIX стол.; опредѣленіе его границъ у старѣйшихъ его изслѣдователей—J. Eichendorf, Jul. Schmidt, H. Hettner—и у позднѣйшихъ—G. Gervinus, R. Haym, W. Scherer, Joh. Scherr, W. Wackernagel, R. Meyer, H. Gschwind и др. Границы французскаго романтизма; мнѣнія Th. Gautier, V. Hugo, D. Nisard, Ch. Asselineau, Alfr. Michiels, F. Brunetière, D. Sauvageot, E. Faguet, E. Biré, Albert Le Roy, G. Brandes и др. Эпоха романтизма въ англійской литературѣ; опредѣленіе границъ ея у Th. Shaw, G. Craik, H. Morley, H. Taine, H. Hettner, G. Brandes. Эпоха романтизма въ сѣверныхъ (датской, шведской и норвежской) и южныхъ (итальянской и испанской) литературахъ. Романтизмъ въ славянскихъ литературахъ.

Въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го стол. въ западно-европейской литературной и общественной жизни наблюдается широкое и сложное духовное броженіе, которое носитъ обыкновенно названіе романтизма. При бѣгломъ обзорѣ фактовъ этого явленія наблюдатель поражается разнообразной картиной взглядовъ, вкусовъ, стремленій и настроеній, которые подъ именемъ романтизма охватили почти всю Европу на границѣ двухъ послѣднихъ истекшихъ столѣтій. Обойдя всѣ націи и страны Европы, романтизмъ увлекъ въ область своего вліянія не только поэзію, но и всѣ другія искусства, и даже отчасти науку и общественную жизнь. Въ романтизмѣ поэтому открывается взору наблюдателя цѣлое міросозерцаніе. Романтики какъ-

бы вновь строили всю философію жизни. Дѣйствительно, представители его старались выработать свои особые взгляды почти во всѣхъ областяхъ—религій, политикѣ, соціальной жизни, наукѣ... Въ религій они выдвинули на первое мѣсто элементъ чувства и тѣмъ стремились охранить ее отъ погруженія въ сухой рационализмъ. Въ область соціологіи романтики внесли уваженіе къ личности, къ индивидуальному развитію, особенно въ сферѣ семейныхъ отношеній. Въ наукѣ они создали историческое изученіе языка, міеологіи, права и укрѣпили любовь къ народной поэтической старинѣ. Наконецъ, въ искусствѣ, и въ особенности въ поэзіи, они произвели настоящій переворотъ. Подъ смѣлымъ напоромъ новыхъ литературныхъ вѣяній потерялъ свое обаяніе знаменитый кодексъ Буало; возникъ культъ высокаго, свободного искусства. Поэтомъ стали называть не ученаго и остроумнаго стихослагателя, но вдохновеннаго художника; поэтъ—это такое своеобразное и самобытное дарованіе, которое стоитъ внѣ всякихъ узкихъ правилъ и въ себѣ самомъ носить законы творчества; философія гениальности, построенная Фридрихомъ Шлегелемъ на ученіи Фихте, ставила въ данномъ отношеніи, творческую фантазію поэта-художника даже выше всего дѣйствительнаго міра. И вотъ поэзія получаетъ значеніе чистаго искусства, свободного отъ узкихъ цѣлей и заранѣе выработанныхъ условій: его цѣль въ самомъ себѣ, его девизъ по Канту—*Zweckmässigkeit ohne Zweck*. Форма поэзіи признается свободной; отсюда разнообразіе поэтическихъ приемовъ, видовъ, размѣровъ, созвучій. То же происходитъ и въ содержаніи поэтическихъ произведеній. Исходя изъ принципа «природа и правда», поэты-романтики отказываются отъ однообразной и сухой «классической» абстрактности и придаютъ своему творчеству характеръ конкретный, безконечно и разнообразно оживляя его введеніемъ «мѣстнаго колорита»... Такимъ образомъ подъ вліяніемъ романтизма происходитъ перемѣна и въ общественномъ настроеніи, и въ научныхъ взглядахъ, и въ художественныхъ вкусахъ,—картина широкая и разнообразная: наблюдатель романтизма невольно теряется въ той перспективѣ, которая развертывается передъ нимъ при изученіи этого духовнаго момента западно-европейской исторіи.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ всякое сложное явленіе духовной культуры, романтизмъ к. XVIII и н. XIX стол. съ трудомъ поддается ясному опредѣленію; тѣмъ не менѣе онъ опредѣлимъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ основныхъ чертахъ. Въ свое время для современниковъ это явленіе казалось трудно уловимымъ: оно захватывало ихъ какъ настроеніе, какъ психологическій моментъ и управляло ими какъ инстинктъ, какъ произвольное движеніе ихъ духовной организаци. Такъ напр., французскіе критики и поэты времени романтизма опредѣляли его весьма разнообразно. Для однихъ онъ былъ—свободой въ проявленіи таланта, для другихъ—оригинальностью въ творчествѣ, для третьихъ—спиритуализмомъ въ литературѣ, четвертые называли его протестантствомъ въ искусствѣ и т. д. ¹⁾. Такъ же разнообразно понимаютъ романтизмъ и современные ему нѣмецкіе критики: для Ругер романтизмъ является оппозиціей противъ эпохи просвѣщенія, для Эйхендорфа романтическая школа есть просто тоска по «утраченной родинѣ», т.-е. по католической церкви и ея идеаламъ, для Альтвассера романтизмъ равнозначущъ стремленію фантазіи изъ міра пошлой дѣйствительности въ міръ неограниченнаго пространства ²⁾; для Г. Гейне «романтическая школа въ Германіи не что иное какъ пробужденіе средневѣковой поэзіи» ³⁾ и т. д. Но для позднѣйшихъ наблюдателей, начиная приблизительно съ половины XIX стол., это явленіе, рассматриваемое уже не вблизи, а въ исторической перспективѣ, сдѣлалось болѣе яснымъ и получило опредѣленное культурное значеніе. Теперь всѣ сужденія о романтизмѣ к. XVIII и н. XIX стол. (или новоромантизмѣ, какъ его иногда называютъ въ отличіе отъ средневѣковой романтики) сходятся во всякомъ случаѣ на томъ положеніи, что подъ романтизмомъ XVIII—XIX стол. надо разумѣть извѣстную общественно-литературную эпоху, отмѣченную опредѣленно выраженнымъ міросозерцаніемъ.

¹⁾ Г. Брандесъ. Литература XIX в. въ ея главныхъ теченіяхъ, Французская литература, романтическая школа, Спб. 1895, стр. 49—50.

²⁾ І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы, перев. подъ ред. П. И. Вейнберга, М. 1898, т. II, стр. 289—290.

³⁾ Г. Гейне. Собр. сочин. Изд. 2-е подъ ред. П. Вейнберга, Спб. 1904, т. II, Романтич. школа, стр. 264.

Гдѣ условныя границы этой эпохи? Начало ея слѣдуетъ отнести, по крайней мѣрѣ, къ концу XVIII стол. Старѣйшіе изслѣдователи нѣмецкой романтики, каковы напр. Эйхендорфъ и Юл. Шмидтъ, ищутъ ея корней еще въ эпохѣ реформации. Эйхендорфъ видитъ уже въ реформации проявление того субъективизма, который характеризуетъ собою эпоху Sturm-und-Drang'a и романтизма или новоромантизма (*die neuere romantische Poesie*); ближайшими предшественниками романтизма въ Германіи онъ считаетъ Лессинга, Гамана, Гердера, Якоби, Лафатера, Штиллинга, Ленца, Клингера, Николаи, Фосса, Гете, Шиллера; романтиками онъ называетъ Новалиса, Вакенродера, бр. Шлегелей, Ад. Мюллера, Стеффенса, Герреса, Арнима, Тика, Вернера, Брентано, Шенкендорфа, Фуке, Уланда, Кернера, Клейста, Платена, Гоффмана, Иммермана, Рюккерта, Шамиссо ¹⁾). Юл. Шмидтъ въ вѣкѣ реформации видитъ вообще первый фазисъ нѣмецкой романтики, а второй ея фазисъ — новоромантический — онъ усматриваетъ въ вѣкѣ революціи и послѣдующихъ за ней десятилѣтіяхъ ²⁾; при этомъ заключительнымъ моментомъ (*der Zeitpunkt*) изслѣдованія романтики для него является 1806 годъ, когда «продуктивность романтики была окончательно исчерпана», а ея теоретическія воззрѣнія потерялись въ практическихъ интересахъ; для этого изслѣдователя романтизмъ к. XVIII и н. XIX стол. представленъ во-первыхъ эпохою Sturm-und-Drang'a съ ея предшественниками, въ родѣ Гердера въ поэзіи, Канта и Фихте въ философіи, и во-вторыхъ собственно романтическою школою (Шлегели, Новалисъ, Тикъ, Вакенродеръ, Гельдерлинъ, Вернеръ и др.). Г. Геттнеръ, написавшій свою книгу о романтической школѣ почти одновременно съ двумя только что названными изслѣдователями литературы, стоитъ

¹⁾ J. Eichendorff. Ueber die ethische und religiöse Bedeutung der neueren romantischen Poesie in Deutschland, Leipzig, 1847. Тенденція ставить въ связь романтиковъ не только съ Гете, но и съ Лессингомъ, наблюдается и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ нѣм. лит.; ср. напр. W. Dilthey, *Das Erlebnis und die Dichtung Lessing—Goethe—Novalis—Hölderlin*, Leipzig, 1905.

²⁾ Jul. Schmidt. Geschichte der Romantik in dem Zeitalter der Reformation und der Revolution, Studien zur Philosophie der Geschichte, Leipzig, 1850.